

Соппротивление группы гореванию после открытого конфликта

Куликова Мария Геннадьевна

- клинический психолог,
- групповой аналитик,
- специалист ЕАРПП, Москва

Миф содержит описание того,
что хочет группа и кто ее враги.

Соппротивление – феномен терапевтического процесса. Соппротивление возникает там, где есть фигура терапевта и, следовательно, тень супер-эго, родительской фигуры. То есть там, где влечение сталкивается с запретом. Соппротивление также исследуется как процесс – антипод выздоровлению в групповом и индивидуальном процессе. С сопротивлением мы встречаемся, когда группа переходит от одного процесса к другому, например, в открытом конфликте к процессам мира и мирным переговорам, или к гореванию после потери.

Можно обобщить, что с сопротивлением мы сталкиваемся в процессе отказа от старого варианта поведения, от старых защит, симптомов или способов проживания внутреннего психического конфликта.

Соппротивление присутствует там, где идет какой-либо процесс обработки или вытеснения влечения. Рассмотрим на примере большой группы динамику открытого конфликта.

ИДЕНТИЧНОСТЬ БОЛЬШОЙ ГРУППЫ.

Вамик Волкан пишет в нескольких работах о формировании идентичности большой группы и принадлежности индивида к большой группе. Он использует метафору палатки. Это – тент или полотно, натянутое на большой шест, которое дает кров членам большой группы. Являясь частью большой группы, каждый член ощущает себя более защищенным, чем тот, что исключен из группы. Нападки на идентичность группы воспринимаются каждым членом лично.

Группа готова умирать и убивать за вопросы, касающиеся своей идентичности. Вопросы идентичности включают в себя вопросы истории, исторической славы и исторических потерь. Память группы актуализируется в определенные моменты времени, «снимается с полки» и становится топливом для нового конфликта, в особенности, когда идентичность группы находится под угрозой. Смена идентичности большой группой – всегда событие драматичное (война, революция, захват территории, потеря территории, потеря вождя и т.д.). Группа чувствительна к малым отличиям, можно сказать, что она страдает нарциссизмом малых отличий и создает свой отдельный уникальный портрет, основанный на этих отличиях. Это мифология группы.

Нарциссизм маленьких отличий становится зерном динамического конфликта «свой-чужой».

МИФ ГРУППЫ

Идентичность формируется преданиями группы или мифом – следами памяти и пониманием «кто я такой», мечтами группы о себе самой, о своем будущем. Можно сказать, что миф группы – это процесс постоянной переработки группой самой себя.

Миф, прежде всего, формируется историей: реальными моментами горя и славы большой группы – то есть важными историческими событиями, а также рассказами, которые претерпевают разного рода искажения. Владимир Пропп пишет о мифе в контексте формирования идентичности группы – миф содержит описание того, что хочет группа и кто ее враги. Пропп также указывает на рождение мифа снизу и сверху: как в дружине князя, где рождаются героические песни о подвиге, так и в народе. Группа также создает трансгрессионные мифы (сатира в ответ на официальный запрос сверху): частушки, сказки и всякого рода караванно-балаганские сказания. О такой трансгрессии мы можем найти у антрополога Светланы Адоньевой (Традиция-Трансгрессия-компромисс).

УГРОЗА ПОТЕРИ ИДЕНТИЧНОСТИ И КОНФЛИКТЫ

Конфликт в группах и между группами влечет угрозу утраты идентичности большой группой. Здесь можно вспомнить слова Фрейда о нарциссизме маленьких отличий – группа за них цепляется и хранит их. Именно нарциссизм маленьких отличий становится зерном динамического конфликта «свой-чужой», этот же конфликт является основным групповым процессом между группами.

Второй момент – накопленный агрессивный потенциал внутри группы. Если нет частей группы, которые могли бы принять и контейнировать агрессию группы и ее

Если позиция жертвы будет взывать в будущем к реваншу, то позиция победителя помешает увидеть собственное причиненное зло.

«плохие» части, а это может быть оппозиция и как крайнее ее выражение, фигура «козла отпущения», то группа ищет цель вовне. «Козел отпущения» и оппозиция – это также что-то, что угрожает идентичности группы, это те иные, которые не «мы», которые обладают иными признаками или конфликтуют с супер-эго группы или ее групповым идеалом. «Козел отпущения» приходит извне или рождается внутри группы. Здесь полезно вспомнить миф об Эдипе, который был пришельцем в том городе, в котором стал царем, он же имел признак инаковости – хромоту, и позже стал изгнанником в этом городе вновь, принеся наказание городу богами (эпидемия). То есть «козел отпущения» – это герой группы, который конфликтует с идентичностью членов группы или групповым идеалом (мы здесь так себя не ведем).

Забегая вперед к Рене Жирару, отмечу, что группа находит того, кто отличается от нее в вопросах идентичности, как она это понимает, того, у кого косный язык, большие уши, рыжие волосы или кто хром на одну ногу, как об этом говорит Рене Жирар, приводя примеры с Эдипом, Моисеем или Христом. Обязательно ли это чужак? Или это тот, кто в настоящий момент выглядит чужаком или делается таковым по заказу группы? Свою последнюю книгу «Человек Моисей и единобожие» Зигмунд Фрейд написал, доказывая, что, вероятно, Моисей был египтянином, а не евреем. Он сделал попытку понять вопрос инаковости евреев в той среде, которая, очевидно, накапливала свой агрессивный групповой потенциал и, как мы знаем, смогла его разрешить только во второй мировой войне. Сейчас можно было бы сказать, что совершенно не важно, был ли автор десяти заповедей, по которым еврейский народ идентифицировал себя самих в начале своего творения, истинным евреем или косноязычным египтянином (то есть, говоря русским языком, немцем для евреев – (немец = немой, говорящий на непонятном языке), но важно, что таковым он не являлся для своих сородичей, когда они все же убили его до входа в обещанные им палестинские земли).

БАЗОВОЕ ДОПУЩЕНИЕ

Сопrotивление начинает сопровождать создание здоровой рабочей группы, вернее ему противостоять, то есть работать на откат в позицию, где большая группа будет искать и находить виноватых в собственном напряжении. Как сказала мне одна участница в терапевтической группе: «Если мне давят на ногу, я даю в ответ. Если со мной не разговаривают, я тоже не разговариваю. И так я буду поступать всегда, как поступала впредь».

ОБНАРУЖЕНИЕ СЕБЯ В КОНФЛИКТЕ

Здесь группу сопровождает минимальная рефлексия, максимальная защита группового идеала, доверие вождю, выбор вождя, который способен провозгласить максимально нарциссические чаяния группы, устранение не-нарциссических отличий внутри группы (процесс очищения вплоть до геноцида) и отказ от индивидуальности в пользу

группы. В зависимости от того, окажется ли группа победителем или побежденным в конфликте, ее ждет два дискурса и два мифа для переработки: миф победителя и миф побежденного (жертва), оба несут в себе ядро будущего антагонизма и нового конфликта. Как сказал в недавней нашумевшей речи на открытии книжной ярмарки во Франкфурте (пространство свободы слова) Славой Жижек об израильско-палестинском конфликте – «жертва также развращена» (Октябрь 2023). Если позиция жертвы будет взывать в будущем к реваншу, то позиция победителя помешает увидеть собственное причиненное зло.

МОЛЧАНИЕ КАК СОПРОТИВЛЕНИЕ

Рано или поздно воцаряется мир и группа начинает оглядываться вокруг себя, находя себя на развалинах того, что сделано, в наступающем дне процесса выстраивания новой идентичности, залечивания ран, присоединения к себе новых частей, оплакивания утраты старых. Эта тема уже исследовалась психоаналитиками, историками, культурологами, освещалась подробнее в контексте, так называемой, «немецкой вины», в том числе феномена молчания немецкого народа о войне и холокосте. Минуло целое поколение, прежде чем немцы смогли говорить о своей вине. Это были дети отцов, которые воевали во второй мировой, и которые, собственно, начали говорить, что, конечно,

Инвестирование в идентичность большой группы происходит в возрасте подростка, когда индивид осуществляет вторую сепарацию из семьи и начинает поиск «своих».

можно рассматривать и как эдипальный бунт детей против воевавших отцов.

Также интересно, что тема утраты отцов в первой мировой войне (униженные и искалеченные отцы, вернувшиеся после первой мировой), утрата территорий Германии, унижительный для страны Версальский договор, завершивший первую мировую, утрата идентичности большой группой были теми маркерами, которые Вамик Волкан в своем исследовании тоталитарных групп и обществ называет динамическими причинами усиления власти национал-демократической партии, выбора поколения, поддержавшего фашистскую доктрину и фюрера в Германии в 30-40-е, и окончательного перехода власти в руки паранойяльного и нарциссического лидера.

Предположение Волкана в том, что утрата и унижение позволили инвестировать в фигуру фюрера, основано на необходимости индивидуума инвестировать в группу в подростковый период. Инвестирование в идентичность большой группы происходит в возрасте подростка, когда индивид осуществляет вторую сепарацию из семьи и начинает поиск «своих», тогда инвестирует в малые и большие коллективы, к идентичности которых примыкает, завершая выстраивание своей идентичности (от «я как мать-отец», к «я как индивид большой группы» (я русский, я немец, я профессионал, бизнесмен или военный и так далее)).

Нам по силам предложить лишь одно целительное средство —
не проглатывать молча ложь, а пытаться смотреть на факты,

БОЛЬШАЯ ГРУППА – МОЛЧАНИЕ И ОПЛАКИВАНИЕ УТРАТ ПОСЛЕ КОНФЛИКТОВ

Большие группы говорят памятниками и мифами о своих потерях или моментах своей славы. Они также создают мифы о своей истории и именно здесь проявляют сопротивление молчанием в процессах горевания и переживания собственной вины. О мифах истинных и ложных пишет Рене Жирар в своей книге «Козел отпущения». В одном мифе группа помнит о принесенной жертве, в другом мифе группа скрывает следы этого жертвоприношения. Рене Жирар разводит понятия культуры и цивилизации, культуры как оплакивания и обработки совершенного группой жертвоприношения и культуры замалчивания в большой группе. Есть два мифа в группе: сверху и снизу. Миф цивилизации и миф культуры. Цель одного мифа – сохранить правду о жертвоприношении, которое совершила группа; цель другого мифа – скрыть эту правду. Цикл жизни группы – от жертвоприношения к жертвоприношению. Пока группа помнит истинный миф, она удерживается от нового колеса насилия, которое может совершить.

Парефразируя Жирара, можно сказать, что пока группа помнит о жертве, которую она совершила, она является рабочей и не скатывается в группу базового допущения, в которой возможно новое насилие.

МОЛЧАНИЕ ПОСЛЕ ТРАВМ В БОЛЬШИХ ГРУППАХ

Эта тема освещалась психоаналитиками, например, Ханной Сегал: молчание в большой группе приводит к витку нового насилия и новой жертве. 11 сентября было «ответкой» за «Бурю в пустыне», а та, в свою очередь, за Вьетнам (статья «Хиросима — Персидский залив и далее: психоаналитическая перспектива»).

Разговор о травме и конфликте способствует переработке вины группы. Переработка не дает новому насилию возникнуть, пока есть миф о жертвоприношении и вине группы, и пока он передается из уст в уста – пока есть дискурс о жертве в группе.

Жильбер Дяткин в статье «Хорватский Галстук» объясняет, почему мы не можем смотреть на преступления группы: это может нас привести к психозу. Индивидуально сложно пережить горевание и утрату, но еще сложнее это пережить в большой группе, если вообще возможно.

Одним из факторов неуспеха работы горевания названы экономический успех и процветание (как это было в истории

Пока группа помнит о жертве,
которую она совершила,
она является рабочей
и не скатывается в группу
базового допущения, в которой
возможно новое насилие.

Непережитое горевание приводит к молчанию в попытках поиска новой идентичности, оно же, молчание, может привести к провалу этой работы горя.

большой группы – Германии после второй мировой войны). Процветающая группа труднее разворачивается в сторону переживания горя. Таким же фактором, вероятно, является победа в конфликте. Тогда как сторона, потерпевшая поражение, также испытывает затруднения в работе горя и вины (идеи реванша и возмездия).

Группы сопротивляются. И особенно большие. Как уложить нацию на кушетку?

Александр Митчерлих в своей работе «Психоанализ и агрессия больших групп» рассуждает, может ли психоанализ индивидуума и малой группы объяснить агрессию большой группы?

Вамик Волкан, участвовавший в большом количестве переговоров между воюющими группами, описывает это сопротивление между переговорщиками: сопротивление процессам мира, тяга к нарциссизму малых различий и обида мешают его заключить. Группа сопротивляется истине и разговору о ней, так же как и процессам мира, будучи уязвленной в своих нарциссических отличиях. Она хранит свой симптом в молчании. Она сохраняет свою симптоматическую ложную идентичность.

ДИНАМИЧЕСКИЙ УЗЕЛ КОНФЛИКТА

Рене Жирар в своей книге «Козел отпущения» выдвигает идею мимезиса как основы конфликта группы. Мимезис, то есть сходство – вот проблема для группы, вот динамический узел (Жирар). Обнаружение и сохранение нарциссических отличий – это то, за что группа готова умирать и убивать. Я такой же как он, но другой.

Другой, несомненно, - проблема для субъекта желания, потому что он может себе позволить то, что не положено мне: ругать, пить, гадить, быть грязным или вонючим (что мы распространяем на чужую группу). Но это и есть мое желание. Я его обнаруживаю через Другого. Желание изначально принадлежит Другому (Лакан).

То есть Другой – это обнаружение своего желания. Субъект и желание – это всегда треугольник, в котором есть Другой, через которого обнаруживается желание субъекта. Это тезисы Жирара. Динамический конфликт в группах всегда был, есть и будет, мимезис – его основа, его динамический узел.

МИМЕЗИС – СХОДСТВО – РАЗЛИЧИЕ – ИДЕНТИЧНОСТЬ

Проблема мимезиса по Рене Жирару – это проблема групп. Мимезис – сходство. Различие – вот проблема. Нахождение разницы с Другим и обнаружение своего желание

Обнаружение и сохранение нарциссических отличий – это то, за что группа готова умирать и убивать.

Субъект и желание – это всегда треугольник, в котором есть Другой, через которого обнаруживается желание субъекта.

через Другого становится основной конфликтов с точки зрения групповой динамики в большой группе.

Рене Жирар, как будто оспаривая Фрейда и теорию либидо, на самом деле говорит об идентичности как о динамическом узле, приводящем к психозу больших групп – войнам.

Подводя итог всему сказанному: проблема и основа динамического конфликта больших групп – вопросы идентичности, за идентичность группа готова убивать и умирать. Идентичность включает в себя артикуляцию желаний. Группа создает мифы, которые описывают ее идентичность и в работе этой мифологии скрыты вопросы сопротивления. Есть мифы, открывающие и есть мифы покрывающие, истории истинные и ложные, идентичность истинная и ложная. Ложная мифология и мифы, говорящие, но не рассказывающие – это процессы сопротивления больших групп, где говорят, но умалчивают.

РУССКИЙ КЕЙС

В качестве последней я хотела бы привести цитату режиссера, который глубоко исследовал русскую идентичность. Это Алексей Балабанов. Его культовые фильмы 2000-х Брат-1 и Брат-2, которые посмотрели все, кто помнит себя в 90-х, и кто застал потерю идентичности нашей большой группы на постсоветском пространстве.

Герой Балабанова Данила Багров – хороший человек в плохих обстоятельствах, везде чужой и никому не нужный. В его истории можно увидеть следы русского мифа о том, какие мы и чего мы хотим, кто наши враги и где наше счастье (в чем наше желание). 90-е – это драматический узел нашей большой группы в момент развала большой группы СССР и потери этой групповой идентичности.

Последний фильм Балабанова «Я тоже хочу» – о поиске ускользающего счастья и исполнения желания. Балабанов говорит, что это – точка или место, куда не всех возьмут, и куда его, самого режиссера, вероятно, не примут, потому что он обременен какой-то тайной, грехом и виной. Это очень по-достоевски.

Потеря идентичности русского общества случалась в драматических событиях революции 1917 г., сталинских репрессий, разворота Хрущева, перестройки, эпохи Ельцина. Государство, теряющее целостность и территорию, всегда сталкивается с драматическим переживанием утраты или угрозы своей идентичности, и непережитое горевание приводит к молчанию в попытках поиска новой

Нахождение разницы с Другим и обнаружение своего желание через Другого становится основной конфликтов с точки зрения групповой динамики в большой группе.

идентичности, оно же, молчание, может привести к провалу этой работы горя, поиску группой козла отпущения и к психозу большой группы – развернутому ею насилию.

Нам есть, что поисследовать о «говорении» русского народа и о его молчании в своей собственной культуре, и я надеюсь, что психоанализ приложит к этому усилия. У нас есть Толстой с его идеей «непротивления злу насилием» и Достоевский с его идеей покаяния. У нас есть Алексей Балабанов, с его попыткой говорить о том, что болит. Есть трансгрессионные балаганные истории про «русскую национальную охоту и рыбалку», есть русская фантастика «Кин-дза-дза», есть «Трудно быть богом» и, конечно, русский рок – все то, то, что, несомненно, принадлежит мифологии нашей большой группы.

Этот доклад резюмирует цикл семинаров, посвященных теме «Человек и группа», прошедших за 8 месяцев на открытой лекционной площадке в 2022-2023. Он состоял из восьми 1,5 часовых теоретических семинаров и отдельных рефлексивных групп, на которых единственным условием контракта было включить камеру и говорить. Но даже эти три рефлексивные группы запустили процесс сопротивления и молчания.

Я бы хотела закончить словами Ханны Сегал: «Что в подобной ситуации (продолжение витка насилия) могут предложить психоаналитики? Нам по силам предложить лишь одно целительное средство — не проглатывать молча ложь, а пытаться смотреть на факты в той степени, в какой мы понимаем лежащие в их основе психологические мотивации, так мы способствуем проблескам разумности и здоровья».